

АЛЕКСАНДР МИРОНЕНКО

ПУЛЬТ.

Александр МIRONENKO

Пульт

«Автор»

2026

Мироненко А. А.

Пульт / А. А. Мироненко — «Автор», 2026

Алексей Воронов — пятидесятилетний инженер, одинокий пенсионер и человек, который привык чинить всё, что поддаётся ремонту. Однажды на чердаке старого дома он находит чёрный пульт с единственной кнопкой и надписью «БЫТИЕ». Пульт может исполнить любое желание. Сначала Алексей действует осторожно: убирает боль в спине, создаёт яблоко и пытается понять правила странного устройства. Но желание помочь быстро превращается в соблазн управлять. Он спасает детей от голода — и разрушает чужую работу. Возвращает чиновнику совесть — и ломает его психику. Создает встречу с женщиной — а затем стирает её память, лишая права судить его. В старых тетрадях предыдущего владельца Алексей находит предупреждение: не трогать память, не менять чужую волю и никогда не считать себя вправе решать за других. Но за пультом охотятся. Аркадий Воскресенский — богатый благотворитель, с детства помнящий цену бессилия, — уверен, что сможет использовать силу разумнее...

© Мироненко А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. ИНТЕРФЕЙС	5
Глава 1. Чердак	5
Глава 2. Один запрос	9
Глава 3. Сорок восемь часов	15
Глава 4. Сосед	19
Глава 5. Первое чудо	24
Глава 6. Мусса	28
Глава 7. Женщина	31
Глава 8. Дыра	35
Глава 9. Детский дом	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пульт

ЧАСТЬ I. ИНТЕРФЕЙС

Глава 1. Чердак

Чердак пах мышиным помётом, прелыми газетами и той особенной старостью, которая бывает только в домах, построенных с расчётом простоять двадцать лет, а доживших до пятидесяти.

Алексей Петрович Воронов стоял под низким скатом крыши и думал, что здоровые люди в субботу утром занимаются нормальными делами. Ходят в магазин. Смотрят телевизор. Ссорятся с жёнами. У него не было жены девять лет, телевизор он не смотрел с 2014 года, а в магазин уже сходил. Так что оставался чердак.

Протечка была именно там, где он предполагал: в месте примыкания кровельного листа к вентиляционной шахте. Ржавый металл отошёл, вода собиралась на перекрытии и просачивалась в его квартиру, оставляя на потолке пятно, похожее на карту государства, которого не существовало.

Алексей мог починить всё за час. Но сначала решил осмотреться. Профессиональная привычка: прежде чем чинить, оцени масштаб проблемы.

Он шёл вдоль чердака, водя лучом старого кнопочного «Нокиа». Телефон он хранил не из ностальгии, а потому, что телефон должен звонить и светить, а всё остальное — от лукавого.

Луч выхватывал из темноты детский велосипед без переднего колеса, стопку виниловых пластинок, чемодан из кожзаменителя цвета жжёной охры. У кирпичной трубы стоял письменный стол — однотумбовый, с выдвинутым наполовину ящиком. На столешнице лежали газеты за 1991 год и семь общих тетрадей в клетку.

У ножки стола засохла половина сушки с маком. Алексей поддел её носком ботинка и отодвинул в сторону. На первой газете синими чернилами было написано:

«Сила тока равна напряжению, делённому на сопротивление. Закон Ома. Закон жизни. Н. Р.»

Учитель физики, подумал Алексей. Кто ещё станет писать закон Ома на газете.

В первой тетради, между рецептом варенья и описанием опыта с яблоком, он нашёл короткую запись:

«Кто его оставил — не знаю. Кто сделал — не понял. Похоже на прибор, обогнавший нас на тысячу лет. На инструкции написано одно: Не считай себя вправе. Всё остальное приложится. Н. Р.»

На обложке было выведено: «Румата. Опыт 1».

Фамилия показалась знакомой. Из книги, которую Алексей когда-то брал в библиотеке. Дона Румату он помнил смутно: человек с властью почти бога, который пытался не стать богом и всё равно проиграл.

Обычная картонная коробка стояла в самом дальнем углу. Добраться до неё можно было только на четвереньках. Алексей поставил телефон на пол, подполз к коробке и развернул пожелтевшую «Комсомольскую правду».

Внутри лежал пульт.

Размером с ладонь. Чёрный, гладкий, без шва. Он казался одновременно пластиком и камнем — предметом, который не сделали, а нашли в уже готовом виде. На верхней поверхности была одна серебристая кнопка и слово:

БЫТИЕ.

Алексей перевернул его. Ни батарейного отсека, ни марки, ни винтов. Он потряс пульт у уха. Тишина.

— Чья-то шутка, — сказал он.

Голос прозвучал не из пульта. Он возник в голове, минуя уши, перепонки и всё устройство, которое Алексей уважал именно за то, что оно обычно не пропускало внутрь ничего лишнего.

«Одно желание».

Алексей не закричал. В пятьдесят лет человек уже знает: если мир решил показать ему глупость, крик не улучшит ситуацию.

— Одно?

«Одно».

— И кто будет исполнять?

«Ты».

— А ты тогда зачем?

Ответа не было.

Алексей ещё раз посмотрел на тетради. На засохшую сушку. На мокрую щель в крыше. На собственные руки, большие, жилистые, с тёмными следами машинного масла в складках кожи.

Он всю жизнь имел дело с механизмами, которые нельзя включать без понимания схемы. Но схемы перед ним не было. Была только фраза: одно желание.

Значит, нужно правильно сформулировать первое.

— Дай мне возможность самостоятельно формулировать и исполнять желания, — сказал он. — Не одно. Все, которые я смогу сформулировать. Без посредников. Без тебя. Навсегда.

Воздух перед ним стал плотнее. Не загустел — просто перестал быть пустым. В нём появилась поверхность, как у воды перед дождём.

«Запрос принят».

Алексей ждал продолжения.

«Исключительный случай. Субъект переопределяет базовый протокол. Дальнейшее — зона твоей ответственности».

— А ограничения?

«Они приложатся».

— Это не ответ.

«Это единственный ответ».

Пауза.

«Предыдущий оператор оставил сообщение. Прослушать?»

Алексей посмотрел на первую тетрадь. Ему не понравилось, что голос произнёс слово «предыдущий» так, будто следующий уже предусмотрен.

— Потом.

«Как знаешь».

Воздух вернулся к обычной пустоте. Пульт потеплел в ладони, а затем снова стал просто чёрным предметом.

Алексей открыл тетрадь.

Почерк был мелким, неровным, с сильным наклоном вправо:

«Если ты это читаешь — значит, нажал. И обошёл протокол. Как и я. Поздравляю. Теперь ты бог. Не радуйся. Богом быть легко. Человеком — невозможно.

Прочти все тетради, прежде чем делать что-либо.

Не смей прикасаться к памяти.

Не смей прикасаться к совести.

И никогда не желай справедливости.

Румата».

Алексей перечитал последнюю строчку.

— Почему?

На этот раз голос не ответил.

Он закрыл тетрадь, но не положил её обратно. Сунул под мышку вместе с шестью остальными. Пульт убрал в карман куртки.

Спускаясь к люку, он почувствовал, что за спиной кто-то стоит. Не услышал шагов — просто понял, как понимаешь присутствие человека в пустой комнате. Алексей обернулся.

На чердаке никого не было.

Только в дальнем углу, возле стола, сидела рыжая кошка с порванным левым ухом. Она смотрела на него одним жёлтым глазом.

— Ты откуда взялась?

Кошка моргнула и исчезла.

На пыльном полу осталось несколько рыжих шерстинок.

Алексей подобрал их. Положил рядом с сушкой. Закрыл люк и спустился в квартиру.

Квартира была однокомнатной и давно перестала притворяться временной. Кухня служила ей сердцем: клеёнка с выцветшими подсолнухами, плитка с потемневшими конфорками, холодильник, который гудел даже ночью, будто держал оборону.

Он поставил чайник. Достал кружку «Лучшему инженеру», бросил пакетик дешёвого чая и положил пульт на стол — рядом с сахарницей.

Вода закипела.

Алексей смотрел на чёрную поверхность и пытался понять, где заканчивается проверка и начинается желание. Можно было заказать яблоко. Исцелить спину. Сделать новую крышу. Вернуть молодость. Вернуть Таню.

Последняя мысль пришла без приглашения.

Таня ушла девять лет назад. Оставила записку: «Ты хороший, но я хочу жить, а рядом с тобой я умираю». Алексей сложил лист вчетверо и пошёл на работу. Он не знал, что ещё можно сделать, когда человек говорит такое. Теперь знал: можно сделать всё.

Он поднял палец над кнопкой.

— Нет, — сказал он.

Пульт лежал неподвижно.

Кружка в его руке вдруг стала горячей. Алексей посмотрел вниз. В пустой кружке был чай — правильной крепости, с плавающим пакетиком.

Он не нажимал.

Несколько секунд Алексей просто смотрел на чай. Потом медленно поставил кружку на стол.

Это было не желание. Не приказ. Мысль. Усталому человеку хотелось горячего чая.

Он взял пульт, снова нажал кнопку.

«Одно желание».

— Я уже сделал его.

«Нет».

— А чай?

«Сопутствующий эффект».

— Сопутствующий чему?

«Ответственность».

В голосе не было угрозы. От этого стало хуже.

Алексей выключил чайник, хотя вода уже выкипела. Поднялся на чердак, принёс оставшиеся тетради и разложил их на столе по номерам.

Сначала чай. Потом инструкция. Потом эксперименты.

Он открыл первую тетрадь.

На первой странице, под заголовком «Опыт 1», Румата написал:

«Не пытайся понять, кто дал тебе силу. Сначала пойми, что именно ты собираешься сделать с собой».

Алексей Петрович достал карандаш.

— Ладно, — сказал он пустой кухне. — Допустим. Поехали.

В одной из тетрадей Руматы Алексей нашёл подробное описание первой ночи.

«Я думал, что предмет меня выбрал. Потом решил, что нашёл его случайно. Через три недели понял: я искал его всю жизнь, только не знал, что ищу.

Человек хочет, чтобы чудо подтверждало его особенность. Это опаснее самого чуда. Если считать себя избранным, легко решить, что остальные существуют для исполнения твоей миссии.

Я не избран. Я просто оказался рядом».

Алексей перечитал строку.

— Хорошее начало, — сказал он.

В конце страницы стояла дата и список прежних владельцев, но фамилии были вырваны. Остались только числа: один, два, четыре, семь.

Он нашёл между листами засохшую крошку мака. Потрогал её пальцем.

Румата хранил не только эксперименты. Он сохранял остатки обычной жизни: рецепт варенья, расписание уроков, список покупок, имя кошки.

В одной записи было:

«Сегодня ничего не менял. Купил хлеб. Сосед попросил соли. Соль дал. Это был хороший день».

Алексей подумал, что Румата уже знал ответ, но не успел ему поверить.

Он вынул из кармана свою записную книжку и написал на первой странице:

«Сегодня ничего не менял».

Потом зачеркнул. Это было неправдой: он уже получил способность.

Переписал:

«Сегодня получил возможность менять. Это не то же самое, что изменил».

Эта формулировка показалась ему точнее.

Глава 2. Один запрос

Алексей подошёл к пульту как к незнакомому прибору.

Первым делом составил список вопросов.

Вопрос первый: что он умеет?

Вопрос второй: чего не умеет?

Вопрос третий: чем за это придётся платить?

Вопрос четвёртый: почему предыдущий оператор прыгнул с крыши?

Пятый вопрос он записывать не стал. Слишком рано было его формулировать.

Он прочитал первые двадцать страниц тетради Руматы. Тот тоже начинал с экспериментов. Яблоко. Больная спина. Перемещение на крышу. Понимание языка дельфинов. Затем — попытка сделать счастливой женщину по имени Алла.

Записи сначала напоминали лабораторный журнал. Румата измерял время, температуру, массу, расстояние. Потом почерк менялся. Появлялись зачёркивания, восклицательные знаки и одна фраза, повторённая на двух листах:

«Я не хотел».

Алексей задержал палец на этой строчке.

— Этого всегда недостаточно, — сказал он.

Он сам не знал, о чём говорит: о желании, о раскаянии или о человеческом языке вообще.

Опыт первый: предмет

Алексей выбрал яблоко. Не золото, не лекарство, не новый автомобиль — яблоко. Предмет должен быть простым, чтобы не перепутать результат с собственными надеждами.

Он сформулировал запрос мысленно:

Хочу, чтобы на столе появилось спелое антоновское яблоко, выращенное естественным способом, без скрытых опасных свойств.

В воздухе над клеёнкой возникла рябь. Яблоко не упало и не материализовалось с хлопком. Оно просто стало частью кухни — зелёное, прохладное, с маленьким коричневым пятнышком у хвостика.

Алексей взял его в руку. Понюхал. Откусил.

Хруст был настоящим.

Он жевал медленно. Вкус напоминал детство, рынок и мать, которая умела выбирать яблоки по одному ей известному признаку: прикладывала фрукт к уху и слушала.

Огрызок остался на ладони.

Алексей записал:

«Созданное не исчезает само. Материя имеет последствия. Не желать мусор без необходимости».

Затем проверил, можно ли вернуть вещь обратно. Не стал уничтожать яблоко. Взял нож и разрезал его на четыре части. Внутри были семечки.

Это почему-то успокоило.

Опыт второй: тело

Спина болела пятнадцать лет. Не каждый день одинаково, но всегда достаточно, чтобы тело помнило о ней раньше сознания.

Алексей сел ровно, закрыл глаза и сформулировал:

Хочу, чтобы причина хронической боли в моей спине была устранена без ущерба для остальных функций организма.

Сначала ничего не произошло. Потом он понял, что ждал боли, а ждать стало нечего.

Он медленно наклонился. Выпрямился. Повернул плечи. Поднял руки.

Тело было его, но словно собрано заново. Лёгкое, непривычное, подозрительно свободное.

Алексей поднялся. Дошёл до окна. Сделал несколько приседаний. На шестом решил не геройствовать и остановился.

Никакой боли.

Он простоял посреди кухни, не зная, что делать с этим отсутствием. За пятнадцать лет человек привыкает к боли так же, как к шуму холодильника: перестаёт слышать, но замечает, когда она исчезает.

Через час он испугался, что эффект временный.

Хочу вернуть боль обратно.

Боль вернулась мгновенно — тупая, знакомая, с той же точкой между лопатками.

Алексей выругался и сразу отменил второй запрос.

Спина снова стала здоровой.

Он долго стоял у стола, держа карандаш.

«Запрос можно отменить. Но отмена тоже является запросом. Не путать обратимость действия с отсутствием последствий».

Он поставил рядом три восклицательных знака.

Опыт третий: перемещение

Алексей захотел попасть на крышу.

Не потому, что там было что-то нужное. Просто крыша находилась рядом, а возможность переместиться далеко требовала более серьёзной подготовки.

Хочу оказаться на крыше этого дома, сохранив жизнь, здоровье и одежду.

Кухня исчезла.

Он оказался под дождём в домашних тапочках. Ветер ударил в лицо, вода мгновенно промочила волосы, а правый тапок слетел и полетел к вентиляционной трубе.

Алексей нашёл его через минуту, прижал к ноге и вернулся на кухню.

Одежда осталась мокрой.

— Значит, формулировать нужно не только результат, но и сопутствующие условия, — пробормотал он.

Затем записал: «Система не заботится о комфорте. Только о выполнимости».

Эверест он отменил. Марианскую впадину тоже. Не хотелось превращать первые два дня в туристическую поездку.

Космос оказался сильнее осторожности.

Хочу увидеть Землю с орбиты, но не перемещаться физически и не нарушать жизнь людей на планете.

Перед глазами открылось окно.

Голубой шар висел в черноте без подставки, без опоры, без видимой причины. Алексей знал, что Земля движется, вращается, подчиняется силам, которые никто не спрашивал о согласии. Но издалека она выглядела не системой, а маленьким целым.

Там были Таня, Геннадий, Румата, дети из детского дома, женщина из библиотеки, пекарь, которого он ещё не знал. Там был он сам — человек с дешёвым чаем и пультом на кухонном столе.

Окно закрылось.

Алексей сел. Подсолнухи на клеёнке казались слишком яркими.

Опыт четвёртый: наблюдение

Румата называл это «окном». Алексей решил проверить, чем окно отличается от всеведения.

Хочу увидеть Геннадия Степановича в его квартире. Только внешние действия, без доступа к мыслям. Не вмешиваться.

Стена перед ним стала прозрачной.

Сосед сидел на кухне. На столе стояла фотография Клавдии, рядом — бутылка водки. Геннадий держал стакан, но не пил. Смотрел на фотографию и разговаривал с женой.

Слов Алексей не слышал. Внутренний смысл тоже был закрыт. Он видел только движения губ, руку на столе, дрожь пальцев и бутылку, к которой сосед несколько раз тянулся.

Алексей закрыл окно.

Получалось, что он может смотреть, но не знает правды. Впервые ограничение показалось ему полезным.

Через час он открыл окно снова.

Геннадий спал в кресле. Бутылка стояла рядом.

Ещё через час Алексей увидел, как сосед проснулся, встал и вылил водку в раковину.

Это было не желание Алексея. Он ничего не делал.

Но мысль о том, как легко было бы помочь, уже стала отдельной формой давления.

Алексей закрыл окно и записал:

«Наблюдение не равно знанию. Знание не равно право действовать».

Ночью он лежал без сна. Слушал трубы, шаги на лестнице и редкий кашель за стеной. Пульт лежал на полке между книгами Лема и Шекли.

Перед тем как уснуть, Алексей подумал о Тане. Не приказал ей вернуться, не изменил прошлое. Просто вспомнил.

На кухне тихо зашипел чайник, хотя плита была выключена.

Он встал.

В пустой кружке стоял горячий чай.

На поверхности плавал пакетик.

Алексей посмотрел на пульт.

— Я не просил.

«Ты подумал».

— Тогда мысли — это желания?

«Некоторые».

— А кто решает, какие?

«Ты».

— Это неудобно.

«Ответственность редко бывает удобной».

Голос исчез.

Алексей вылил чай в раковину. Вода смыла его быстро, но запах остался — дешёвый, терпкий, домашний.

Он снова открыл первую тетрадь. На следующей странице Румата написал:

«Не бойся пульта. Бойся мыслей, которые ты называешь случайными, когда не хочешь отвечать за них».

Утром Алексей решил прочитать все тетради до конца.

Но сначала хотел узнать, почему Геннадий вылил водку.

Он остановил себя у самой формулировки.

Не потому, что не имел права.

Потому, что очень хотел.

На третьи сутки Алексей решил проверить, что именно означает «знание».

Он сел за компьютер, открыл старую программу для расчётов и сформулировал запрос:

Хочу узнать точное количество людей, живущих сейчас на Земле, без получения чужих мыслей и без изменения информации.

Цифра появилась в голове сразу.

Она не была написана и не прозвучала. Просто стала фактом, который всегда существовал внутри него: восемь миллиардов сто сорок три миллиона двести семьдесят одна тысяча с лишним. Последняя часть менялась каждую секунду.

Алексей понял, что одновременно знает, где именно сейчас рождается каждый человек и где умирает. Не в виде картинок — как систему координат, которая раскрылась поверх мира.

Он встал и схватился за край стола.

Слишком много.

Он попытался думать о чайнике, о пятне на потолке, о соседском коте. Но за каждой мыслью открывалась новая сеть: города, квартиры, больницы, дороги, подъезды, комнаты.

— Отмена знания, — сказал он.

Цифра исчезла. Сети закрылись.

Тишина вернулась не сразу. Несколько минут Алексей слышал далёкое движение людей — как море за стеной.

Он записал:

«Информация не нейтральна. Знать всё — не значит понимать кого-либо».

Затем решил проверить, способен ли он получить навык, который не превратит результат в подделку.

Хочу понимать язык дельфинов, но не вмешиваться в их поведение и не менять их память.

Он оказался в тёплой воде среди трёх дельфинов. Скафандр возник автоматически, но вода всё равно забралась под воротник. Дельфины кружили вокруг, свистели и щёлкали.

Сначала Алексей слышал сложную систему звуков, затем смысл начал складываться.

Где рыба.

Кто зашёл на чужую территорию.

Кто с кем хочет спариться.

Кто смешно перевернулся в волне.

Никакой тайной мудрости не было. Дельфины не обсуждали смысл бытия и не спрашивали, откуда взялся человек в странном костюме. Они жили, ели, играли и ругались на соседей.

Один дельфин ударил его носом в плечо.

— Это обязательно? — спросил Алексей.

Ответ оказался похож на смех.

Через десять минут он вернулся на кухню, мокрый до локтей.

— Более образованным не стал, — сказал он.

Пульт на полке молчал.

В тот же вечер Алексей решился на Марс. Сформулировал запрос с таким количеством уточнений, что сам устал от собственного инженерного усердия: наблюдение, не перемещение; безопасная дистанция; отсутствие вмешательства; возможность вернуться.

Он увидел красную равнину, камни, тени и небо, которое казалось слишком большим. Там не было ни одной вещи, которую можно было бы починить отвёрткой.

Алексей вернулся через семь минут.

На полу кухни остались красные песчинки.

Он собрал их в спичечный коробок.

«Сопутствующие последствия: материальны. Не открывать окна в места, где нельзя убрать за собой».

Потом он заметил на коробке маленькую трещину.

Раньше он бы пожелал, чтобы она исчезла.

Теперь достал клей.

Работа заняла десять минут. Коробка осталась с белым следом по краю.

Это было хуже, чем новая.

И лучше.

Алексей составил список того, что не станет проверять.

Не воскрешать мёртвых. Не менять прошлое. Не заставлять людей любить. Не стирать память. Не делать себя бессмертным. Не создавать живых существ. Не менять политические решения, пока не поймёт цену маленьких.

Список занял полстраницы.

Затем он понял, что список запретов не отвечает на главный вопрос: что делать, если кто-то прямо сейчас умирает?

Он открыл тетрадь Руматы. В ней был описан случай с девочкой, больной лейкемией. Румата исцелил её, не спросив. Девочка прожила ещё сорок лет. Румата считал это своим лучшим поступком, пока однажды не увидел, что её семья распалась: отец ушёл, потому что не смог жить рядом с чудом, мать превратила дочь в доказательство существования Бога, сама девочка выросла с ощущением, что её жизнь принадлежит тому, кто однажды спас её.

«Я продлил жизнь, но не спросил, как ей жить с этой длиной», — писал Румата.

Алексей перечитал запись.

Ему хотелось найти пример, где чудо было бы просто добром. Яблоко. Горячий чай. Исправленная спина. Но даже они оставляли след: огрызок, привычку, страх снова заболеть.

Он попробовал попросить не результат, а вопрос:

Хочу понять, когда помощь действительно нужна.

Голос ответил:

«Запрос не определён».

— Почему?

«Понимание не выдаётся. Оно приобретается».

— Сколько времени?

«Недостаточно».

Алексей записал ответ и поставил рядом дату.

После этого он пошёл в магазин. Не телепортировался, хотя мог. На улице было холодно, дворник ругался на лёд, женщина с собакой тащила пакет с кормом.

В магазине перед ним в очереди стоял старик, который долго пересчитывал мелочь. Кассирша вздыхала. За спиной Алексей слышал раздражённое шипение.

Он мог оплатить покупку старика, но тот мог воспринять это как унижение. Мог сделать так, чтобы старик внезапно вспомнил, где лежат деньги. Мог заставить людей перестать злиться.

Ничего не сделал.

Старик наконец расплатился и отошёл. За ним осталась очередь, уже более медленная и раздражённая.

Кассирша сказала:

— Следующий.

Алексей положил продукты на ленту.

— Вы не торопитесь? — спросила она.

— Нет.

— Странно.

— Я тренируюсь.

— В чём?

— В ожидании.

Она посмотрела на него как на человека, который пришёл в магазин не за продуктами, а с личной проблемой.

Алексей купил муку, чай и яблоки.

Дома открыл тетрадь и записал:

«Иногда помочь — значит не исправлять ситуацию, а не добавлять к ней собственное раздражение».

Внизу приписал:

«Это слишком мало, чтобы называть себя добрым. Но достаточно, чтобы не стать хуже».

Глава 3. Сорок восемь часов

К вечеру второго дня Алексей составил таблицу.

Он писал её не потому, что любил таблицы. Просто любой непонятный механизм становился чуть менее страшным, если его можно было разложить по колонкам.

Запрос.

Результат.

Сопутствующие последствия.

Можно ли отменить.

Что это говорит обо мне.

Последняя колонка раздражала. Первые четыре относились к инженерии. Пятая — к чему-то, что инженерией не являлось.

Он записал:

1. Яблоко — создано, настоящее, осталось.
2. Спина — причина устранена, эффект обратим.
3. Перемещение — возможно, физические условия сохраняются.
4. Окно — внешнее наблюдение, без мыслей и вмешательства.
5. Чай — запрос может возникнуть из мысли.

В шестой строке он написал: «Счастье».

Потом зачеркнул.

В тот вечер Алексей попытался сделать себе занятие.

Хочу научиться играть на скрипке так, чтобы навык был настоящим и не разрушал здоровье инструмента.

Через секунду он держал скрипку. Пальцы сами знали, куда ставить их на гриф. Рука двигалась уверенно. Мелодия получилась чистой, даже красивой.

Алексей слушал и чувствовал пустоту.

Звук был правильным. В нём не было дороги к этому звуку: ни мозолей, ни фальшивых нот, ни соседки, которая стучит по батарее, ни момента, когда впервые получилось сыграть два такта подряд.

Он положил скрипку в футляр.

Затем загадал шахматный талант.

Доска появилась на столе. Фигуры встали на свои места. Алексей сел за компьютер и зарегистрировался на первом попавшемся сайте.

Первую партию выиграл за семь минут.

Вторую — за пять.

В третьей соперник сдался после двенадцатого хода.

На экране вспыхнуло сообщение: «Вы играете на уровне мастера».

Алексей посмотрел на эти слова и почувствовал раздражение.

Он выиграл не потому, что стал сильнее. Просто убрал из задачи возможность проиграть.

В тетради Руматы нашёл похожую запись:

«Я научился играть на скрипке, но не смог слушать собственную музыку».

Алексей добавил:

«Нельзя выиграть у себя, если сам себе раздал карты».

На следующий день он проснулся в семь утра и обнаружил, что ему нечем заняться.

Можно было оказаться в Париже. Можно было увидеть рождение звезды. Можно было узнать, сколько литров воды находится в каждом озере Земли. Можно было за одну мысль собрать новый двигатель, выучить японский или стать человеком, который любит утренние пробежки.

Но все варианты уже содержали результат. Не было пути.

Алексей включил компьютер. Интернет работал медленно. Открыл новости. Читал минут десять, пока не понял, что знает все факты ещё до того, как доглядывает заголовок.

Он закрыл браузер.

В холодильнике лежало яблоко.

На столе стояла скрипка.

Пульт молчал.

В квартире было тихо. За стеной Геннадий Степанович снова разговаривал с фотографией.

— Ты чего там? — спросил Алексей, хотя знал, что сосед не услышит.

Он мог открыть окно.

Не открыл.

Вместо этого надел куртку и вышел на лестничную площадку. Стоял у двери Геннадия, слушал приглушённый голос и запах спирта. Долго не решался постучать.

В пятьдесят лет человеку уже трудно постучать к соседу не потому, что дверь тяжёлая. Трудно потому, что за дверью может оказаться живой человек, которому нельзя предложить готовое решение.

Алексей вернулся к себе.

В тетрадь написал:

«Способность исполнять желания не даёт ответа на вопрос, чего хотеть. Вероятно, это отдельная неисправность».

Он пошёл на кухню. Налил воды из-под крана. Поставил чайник.

Пока вода грелась, он достал из шкафа пачку муки, хотя не умел печь. Потом убрал обратно.

Телефон зазвонил неожиданно. Звонила Зинаида Павловна.

— Петрович, — сказала она без приветствия, — ты навверх не ходил? У тебя там опять течёт. У меня потолок мокрый.

— Сейчас поднимусь.

— Не сейчас. Сейчас ты, наверное, опять за своей философией сидишь.

— Я не философией занят.

— А чем?

Он взглянул на пульт.

— Техническим вопросом.

— Вот и занимайся. Только не забудь, что у меня кот старый, ему мокрое не нравится.

Она отключилась.

Алексей поднялся на чердак. Вода действительно просачивалась через перекрытие. Можно было пожелать, чтобы крыша стала целой. Он уже почти сформулировал запрос, но остановился.

Крыша была общей. Если он исправит её один, управляющая компания не узнает о проблеме. Следующей зимой протечёт другой участок. Или упадёт лист на человека. Или кто-нибудь решит, что дом не требует ремонта, потому что чудесный старик всё чинит сам.

Алексей взял отвёртку и спустился за инструментами.

Починка заняла четыре часа. Он заменил ржавый крепёж, очистил стык, поставил временную ленту и записал адрес управляющей компании на листке, чтобы позвонить утром.

К вечеру болела спина.

Он сидел на полу чердака, грязный, уставший и почему-то довольный.

Результат был не идеальным. Лента держалась до следующего дождя. Но это был результат, за которым стояли его руки.

На столе Руматы, среди газет, лежала ещё одна записка:

«Соппротивление — не помеха жизни. Иногда это и есть жизнь».

Алексей положил рядом собственный карандаш.

— Соппротивление, — сказал он. — Вот чего не хватает.

Внизу хлопнула дверь подъезда. Кто-то вошёл, поднялся на два этажа и остановился. Алексей услышал незнакомый голос, потом шаги вниз.

Он выглянул из-за трубы.

На дворе стояла серая машина с тонированными стёклами. Рядом курил мужчина в короткой куртке.

Мужчина поднял голову, словно почувствовал взгляд.

Алексей отступил в тень.

Через минуту машина уехала.

Он не знал, кто это был. Не открыл окно. Не стал узнавать.

Записал только одно:

«За мной уже начали смотреть. Или я начал видеть наблюдение там, где его нет».

Внизу у Геннадия разбилась бутылка.

Алексей спустился с чердака и постучал в соседнюю дверь.

Через неделю Алексей зарегистрировался на городском шахматном турнире.

Он не собирался выигрывать. Хотел проверить, можно ли пользоваться полученным навыком так, чтобы удовольствие не исчезало.

В первом туре ему достался мальчик лет двенадцати. Мальчик нервничал, тёр ладонью край доски и всё время поглядывал на часы.

Алексей увидел его возможные ходы заранее. Мог закончить партию за несколько минут.

Но мальчик ошибся, и Алексей сделал вид, что не заметил.

Это было не честнее. Он просто изменил масштаб обмана.

На десятом ходу мальчик поднял глаза.

— Вы поддаётесь?

— Нет.

— Тогда почему не забираете ферзя?

— Потому что хочу посмотреть, что будет дальше.

— А если я проиграю?

— Тогда узнаешь, как проигрывать.

Мальчик нахмурился и сделал неожиданный ход. Алексей не ожидал его, потому что ход был плохим по всем расчётам. Но за ним стояло желание не играть правильно, а попробовать.

Через двадцать минут мальчик проиграл.

— Вы могли раньше, — сказал он.

— Мог.

— Почему не сделали?

Он взглянул на доску.

— Потому что ты должен был сам понять, где ошибся.

— Это всё равно нечестно.

— Да.

Мальчик ушёл сердитым.

Вторую партию Алексей сыграл честно — насколько мог. Выиграл быстро и почувствовал только пустоту.

Он удалил аккаунт и больше не возвращался на турниры.

В тетради записал:

«Даже если не использовать преимущество полностью, оно уже меняет отношения. Вопрос не в том, сколько силы я применил. Вопрос — мог ли другой человек отказаться от игры, зная разницу».

После первой ночи Алексей несколько раз открывал окно на орбиту.

Сначала он смотрел на Землю как инженер: оценивал форму облаков, свет городов, движение границ ночи. Потом начал узнавать отдельные места.

Вот его город — маленькое пятно света. Вот завод, где он работал тридцать лет. Вот дом на Тополиной. Вот окно кухни.

Из космоса невозможно различить, в какой квартире человек спорит с женой, кто пьёт чай, а кто умирает в одиночестве. Все окна выглядят одинаково.

Алексей понял, что его сила не делает людей крупнее. Она только увеличивает его обзор.

Он приблизил город.

Увидел, как в одном дворе мальчик бросает мяч в стену. В другом женщина выносит мусор. На крыше больницы санитар курит, хотя ему нельзя. В подъезде старик пытается открыть дверь ключом.

Алексей мог приблизить любой объект. Но чем ближе смотрел, тем больше понимал, что знание не даёт контекста.

Мальчик бросает мяч, потому что играет или потому что его наказали? Женщина выносит мусор, потому что устала или потому что хочет выйти из дома? Старик потерял ключ или просто забыл, где замок?

Окно не отвечало.

Алексей закрыл его.

Пульт позволял видеть мир, но не давал права толковать увиденное.

Он записал:

«Самая опасная часть наблюдения — уверенность, что ты понял, что увидел».

Глава 4. Сосед

Геннадий Степанович открыл не сразу.

Алексей постучал второй раз. За дверью звякнуло стекло, затем что-то тяжело упало.

— Петрович? — спросил сосед.

— Я.

— Живой?

— Пока.

— Тогда заходи.

В квартире пахло спиртом, табаком и чем-то жареным. На кухонном столе стояла фотография Клавдии в овальной рамке. Рядом — три пустых рюмки, хотя Геннадий жил один.

Он сидел в майке, в старых армейских брюках и босиком. На правой руке был порез.

— Что случилось?

— Бутылка сама разбилась.

Алексей посмотрел на осколки.

— Бутылки не разбиваются сами.

— Некоторые разбиваются. У них тоже нервы.

Алексей принёс аптечку из своей квартиры. Промыл порез, наложил пластырь, собрал стекло в газету.

— Я не просил лечить, — сказал Геннадий.

— Я не лечил. Заклеил.

— Это другое.

— Конечно.

Геннадий посмотрел на него внимательно.

— Ты что-то изменился.

— Постарел?

— Нет. Раньше ты смотрел на человека так, будто уже понял, где у него неисправность.

Алексей замер.

— А сейчас?

— Сейчас смотришь, будто не знаешь.

Геннадий налил себе воды из-под крана. Рука дрогнула, вода пролилась на клеёнку.

— Клавка умерла три месяца назад, — сказал он. — А я всё ещё накрываю на двоих.

Он поставил стакан рядом с фотографией.

— На двоих не надо.

— Понимаю.

— Можно вылить.

— Да.

— Можно перестать пить.

Геннадий поднял голову.

— А вот это ты сейчас зачем сказал?

Алексей понял, что сделал ошибку. Слова уже лежали между ними, как инструмент, который не просили подавать.

— Пока не уверен.

— Вот. Ты не знаешь, а говоришь.

Геннадий взял рюмку. Алексей увидел, как пальцы уже привыкли к стеклу. У него была возможность сформулировать желание. Всего несколько слов.

Хочу, чтобы Геннадий Степанович перестал пить и не испытывал ломки.

Запрос возник в голове почти сам.

Алексей не произнёс его. Но пульт, оставшийся в кармане куртки, стал тёплым. Он сжал руку.

— Петрович, — сказал Геннадий, — чего ты так побледнел?

— Давление.

— У тебя не было давления.

— Теперь есть.

Геннадий усмехнулся. Выпил.

Вкус водки был знакомым даже издалека. Алексей почувствовал, как в нём поднимается раздражение — не на Геннадия, а на собственную беспомощность. Он мог прекратить это. Не уговорить. Не поддержать. Просто изменить одну внутреннюю настройку.

Пульт в кармане нагрелся сильнее.

Алексей поднялся.

— Я пойду.

— Иди.

— Если что-то понадобится...

— Мне понадобится, чтобы ты не приходил спасать меня без приглашения.

Алексей кивнул.

На лестнице он остановился. За стеной сосед снова разговаривал с Клавдией. Голос у него был хриплым и мягким.

Алексей вернулся домой, вынул пульт и положил на стол.

— Один запрос, — сказал он. — Это не спасение. Это помощь.

Голос не появился.

Он сел перед тетрадями и попытался найти в словах Руматы разрешение. Разрешения не было. Были только предупреждения:

«Если человек просит — спроси, действительно ли он хочет. Если не просит — считай, что твоя помощь нужна тебе самому».

Алексей закрыл тетрадь.

В ту ночь он не вмешался.

Утром в дверь позвонил Геннадий.

Он стоял на площадке выбритый, в клетчатой рубашке, с пустой бутылкой в руке.

— Откуда это? — спросил Алексей.

— Вынес. Вчера не допил.

— Это хорошо.

— Не берусь сказать. Утром трясло.

— Надо к врачу.

— Надо.

— Пойдёшь?

— Пойду.

— Я с тобой.

Геннадий долго смотрел на него. Потом отдал бутылку.

— Выброси.

Алексей взял бутылку. Вынес её в мусорный контейнер. Вернулся.

— Всё?

— Нет, — сказал Геннадий. — Только бутылка.

Он пришёл к врачу сам. Алексей сидел в коридоре поликлиники, пока сосед проходил обследование. Через три часа Геннадию выписали лекарства, направление и длинное объяснение о том, что организм не обязан терпеть решения хозяина.

— У тебя печень как у человека, который не умеет читать инструкции, — сказал врач.

— А у меня инструкция была плохая.

— У всех плохая. Поэтому и написана.
Через неделю Геннадий сорвался.

Он выпил одну рюмку, потом вторую, потом позвонил Алексею ночью и сказал, что Клавдия опять стоит у окна и сердится.

Алексей приехал. Нашёл соседа на кухне. Бутылка стояла открытой.

— Уходи, — сказал Геннадий.

— Нет.

— Я сказал, уходи.

— Могу вызвать скорую.

— А можешь не изображать святого?

Алексей молчал.

Геннадий бросил рюмку в стену.

— Ты думаешь, я не знаю, что ты смотришь на меня сверху? Думаешь, я не вижу, как ты стоишь рядом и ждёшь, когда я стану хорошим человеком? Не стану. Я пил, пью и буду пить, если захочу.

Алексей мог изменить это.

Он почувствовал запрос — тонкий, готовый, почти оформленный.

Хочу, чтобы Геннадий больше не пил.

Пульт в кармане стал горячим.

Алексей вынул его, положил на стол и накрыл ладонью.

— Я не буду решать за тебя, — сказал он.

— Тогда зачем пришёл?

— Чтобы ты не умер сегодня.

Геннадий замолчал.

Алексей вылил водку в раковину. Не потому, что имел право. Потому, что Геннадий в тот момент не мог удержать бутылку и сам попросил его это сделать взглядом — не словами, но достаточно ясно.

— Я сам позвоню врачу, — сказал Геннадий.

— Хорошо.

— Не радуйся.

— Не радуюсь.

— Ты врёшь.

— Немного.

Впервые за три месяца Геннадий усмехнулся.

Ночью Алексей записал:

«Чужая просьба не делает меня хозяином чужой жизни. Она только открывает дверь. Войти или нет — всё равно нужно решать осторожно».

Он не был уверен, что это правда. Но пока другой правды у него не было.

Через месяц Геннадий перестал пить.

Не чудом. Не одним желанием. Он ходил к врачу, ругался на лекарства, срывался, начинал снова. В некоторые дни сидел перед фотографией Клавдии и ничего не говорил.

Алексей не открывал окно. Не проверял. Не подталкивал.

Однажды утром Геннадий пришёл с пакетом продуктов.

— Я не пью уже неделю, — сказал он.

— Поздравляю.

— Не поздравляй. Недельная трезвость — это не медаль. Это просто семь дней, когда не сделал одну вещь.

— Семь дней — много.

Геннадий поставил пакет на стол.

— Вот. Яйца, мука, сахар. Ты инженер, но хлеб печь не умеешь.

— Откуда ты знаешь?

— По лицу.

— Я умею смотреть.

— Смотреть все умеют. А печь — нет.

Геннадий ушёл.

Алексей остался на кухне, глядя на муку.

В комнате, на полке, между Лемом и Шекли, лежал пульт.

Он мог сделать идеальный хлеб за секунду.

Вместо этого открыл компьютер и начал искать рецепт.

Геннадий не пришёл утром.

Алексей услышал, как за стеной упало что-то тяжёлое, потом наступила тишина. Он постоял у двери, не решаясь стучать.

Пульт был дома. Он мог узнать, жив ли сосед, одним окном.

Не открыл.

Сначала позвонил. Телефон Геннадия молчал. Потом вызвал скорую и попросил соседку с первого этажа открыть дверь запасным ключом.

Геннадий лежал на полу возле кухни. Дышал, но не мог подняться. Бутылка разбилась рядом с рукой.

Фельдшер спросил:

— Сколько выпил?

— Не знаю, — ответил Алексей.

Геннадий открыл глаза.

— Не считал.

В больнице выяснилось, что у него обезвоживание и сильное отравление. Врач сказал, что ещё несколько часов — и всё закончилось бы хуже.

Алексей сидел в коридоре и смотрел на пульт в кармане.

Он не использовал его. Но вызвал скорую. Это было вмешательством? Или обычной помощью?

Геннадий позже сказал:

— Не делай вид, что ты меня спас. Я сам упал.

— Я вызвал врачей.

— Вот и скажи: вызвал врачей. Не «спас».

Алексей запомнил.

Слово «спас» слишком часто присваивало себе чужую жизнь.

После первого срыва Геннадий отказался идти к врачу.

— Врачи любят находить у человека то, что он и так знает, — сказал он. — Потом выпивают бумагу и говорят не пить.

— Ты сам не справляешься.

— Не справляюсь.

— Тогда пойдём.

— Я не хочу.

Алексей остановился.

— Хорошо.

Геннадий посмотрел на него с удивлением.

— И всё?

— Ты сказал, что не хочешь.

— А ты не будешь уговаривать?

— Буду, если попросишь.

Геннадий долго молчал.

— Попросить не умею.

— Научишься.

Он не попросил в тот день. Алексей ушёл домой, но не открыл окно. Ночью Геннадий сам позвонил.

— Завтра пойдём.

— Хорошо.

— Не радуйся.

— Не радуюсь.

— И не делай вид, что это я решил.

— Но решил ты.

— Я решил после того, как ты пришёл.

— Это другое.

— Нет. Это не одно и то же, но связано.

В поликлинике врач осмотрел Геннадия, выписал анализы и сказал, что прекращать пить нужно под наблюдением. Геннадий слушал, кивал и в конце спросил:

— А если я не смогу?

Врач ответил:

— Тогда придёте снова.

Никаких обещаний, никакого стыда, только следующий шаг.

Геннадий вышел на улицу и долго стоял у крыльца.

— Я думал, врач скажет, что я слабый.

— Он сказал, что нужно прийти снова.

— Это хуже.

— Почему?

— Значит, придётся действительно жить.

Алексей хотел сказать, что может сделать проще. Не сказал.

На обратной дороге Геннадий купил чай. Дома выбросил одну бутылку, вторую оставил.

— Зачем оставил?

— Чтобы она стояла.

— Это опасно.

— Знаю.

— Тогда выброси.

— Не сегодня.

Алексей кивнул.

Не всякая правильная рекомендация должна быть выполнена в тот же момент. Иногда человеку нужно оставить рядом с собой возможность отказа, чтобы потом выбрать отказ самостоятельно.

Через месяц бутылка всё ещё стояла на полке. Пыль собиралась на стекле. Геннадий не пил.

— Выбросишь? — спросил Алексей.

— Нет. Пусть напоминает.

— О чём?

— Что я мог.

— И не сделал.

— Сделал. Просто не то, что она обещала.

Глава 5. Первое чудо

Рецепт хлеба оказался сложнее, чем Алексей ожидал.

В нём были слова «опара», «расстойка» и «тесто должно чувствовать руку». Последняя фраза показалась особенно подозрительной.

Он попытался выполнить всё по инструкции. Насыпал муку, добавил дрожжи, налил воды, посолил. Получилась липкая масса, которая пристала к пальцам и отказалась становиться тестом.

Алексей добавил муки.

Масса стала плотнее, но перестала двигаться.

Он добавил воды.

Масса снова ожила и начала прилипать к столу.

Через час кухня выглядела так, будто в ней произошла небольшая белая авария.

Алексей перевёл взгляд на муку, на руки и на пульт.

— Не смей, — сказал он себе.

Пульт лежал неподвижно.

Хлеб получился тяжёлым, сырым внутри и сгоревшим по краям. Алексей отрезал кусок, попробовал и долго жевал.

Он не был вкусным.

Но это был его хлеб.

Он завернул буханку в полотенце и отнёс Геннадия.

— Отрава, — сказал сосед после первого укуса.

— Я знаю.

— Но честная.

— Это ты сейчас утешаешь меня?

— Нет. Просто констатирую.

Алексей вернулся домой и снова испёк хлеб.

На третий день получилось лучше.

На четвёртый — ещё лучше.

На пятый он понял, что начал ждать момента, когда тесто поднимется. В ожидании было что-то, чего не давал пульт: результат мог не случиться. Дрожжи могли не заработать. Вода могла быть слишком горячей. Алексей мог ошибиться.

Однажды он проснулся ночью с мыслью о том, что хочет увидеть, сколько детей в мире сейчас голодает.

Мысль была слишком большой. Он попытался отодвинуть её, но пульт на полке стал тёплым.

Хочу знать точное количество детей, которые прямо сейчас испытывают голод и не могут получить еду.

Знание пришло не числом.

Сначала были лица. Мальчик у стены из глины. Девочка, которая держала пустую миску обеими руками. Мать с сухой грудью. Старик, отдающий свой кусок ребёнку и говорящий, что уже поел.

Потом пришла цифра.

Она не помещалась в голове.

Алексей открыл глаза и зажал ладонями уши, хотя звук был не снаружи.

— Хватит.

Знание исчезло. Осталось чувство тяжести в животе.

Он мог сделать запрос.

Всё было очень просто.

Хочу, чтобы ни один ребёнок на Земле больше не голодал.

Алексей ходил по кухне два часа. Пытался найти недостаток. Если дать еду — откуда она возьмётся? Если изменить обмен веществ — что случится с телом? Если наполнить все кладовые — кто будет выращивать зерно? Если убрать сам голод — исчезнет ли желание работать?

Он написал в тетради:

«Любая большая проблема состоит из малых проблем. Нельзя устранить одну, не проверив остальные».

Затем зачеркнул.

В восемь утра он услышал по радио разговор о детях в приюте, которые не получают нормального питания. В девять позвонила Елена Михайловна из детского дома и сказала, что поставщик снова задерживает продукты. В десять Алексей открыл холодильник и увидел три яйца, половину буханки и пачку дешёвого творога.

Он подумал о Диме, которого ещё не знал. О девочках с царапинами на коленях. О детях, которые умеют не просить, потому что просьбы слишком часто остаются без ответа.

В одиннадцать он нажал кнопку.

Голос не возник.

Алексей произнёс:

— Я хочу, чтобы ни один ребёнок на Земле не умер от голода сегодня и чтобы у людей появились реальные возможности кормить детей дальше, без зависимости от меня.

В комнате ничего не изменилось.

Потом за окном одновременно залаяли собаки.

На радиостанциях исчезли ведущие. В интернете оборвались прямые трансляции. В больницах, школах и домах престарелых люди подняли головы, потому что на одну секунду перестали работать все часы.

Затем мир продолжил движение.

Телефон начал звонить.

Сначала пискнул компьютер. Потом пришло сообщение от оператора связи. Потом включилось радио, где кричали: «Учёные не могут объяснить, откуда в распределительных центрах появились продукты».

Алексей сел.

Он не чувствовал радости. Он чувствовал облегчение, а это было не одно и то же.

На экране появлялись заголовки:

В МАЛИ ОТКРЫЛИСЬ НЕИЗВЕСТНЫЕ СКЛАДЫ С ЗЕРНОМ.

В ДЕСЯТКАХ СТРАН НОВЫЕ ЗАПАСЫ ЕДЫ ПОЯВИЛИСЬ В СИСТЕМАХ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБСУЖДАЮТ ПРОИСХОЖДЕНИЕ «ЧУДА».

Алексей положил руки на стол.

— Я сделал правильно.

Пульт молчал.

На третьем экране появилось другое сообщение:

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЦЕНЫ НА ЗЕРНО РУХНУЛИ. ФЕРМЕРЫ ТРЕБУЮТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ МЕР.

Алексей перестал улыбаться.

Вечером он открыл окно на человека, которого система выбрала первой.

Окно показало рынок в сухом городе. Мужчина по имени Мусса сидел рядом с мешками риса. Ещё вчера они были его товаром. Он купил их на последние деньги, рассчитывая накормить семью и продать часть соседям.

Теперь такие же мешки стояли в каждом доме.

Люди проходили мимо, не глядя на Муссу. Они не хотели унижать его. Просто больше не нуждались в его товаре.

Мусса собрал мешки, погрузил их на старого осла и пошёл домой.

Дети встретили его сытыми.

Младший спал у стены. На полу стояла миска риса, который появился без него.

Мусса сел рядом и смотрел на миску.

Его жена сказала что-то. Алексей не слышал.

Мусса ответил. Потом ударил ладонью по колену.

Он не плакал.

Он просто смотрел на еду так, будто видел перед собой доказательство собственной ненужности.

Алексей закрыл окно.

Пульт на полке был холодным.

Он открыл тетрадь и написал:

«Я накормил детей. Я отнял у отцов работу. Не деньги — их можно вернуть. Я отнял право сказать: это я принёс домой мешок. Помощь без цены для меня стала ценой для него».

Внизу он вывел:

«Нельзя чинить мир одним ударом».

Через минуту дописал:

«А если нельзя не ударить?»

В первые сутки Алексей смотрел новости с тем же выражением, с каким инженер смотрит на прибор, который внезапно начал показывать невозможные значения.

В Мехико женщина по имени Роса сидела в больничной палате. Врачи сказали, что опасность голода для её детей исчезла, но сама болезнь никуда не делась. Она держала в руках снимок и говорила мужу, что теперь может думать о лечении, а не о том, где взять еду на завтра.

На бирже в Токио акции компаний, связанных с аграрным сектором, падали. Люди продавали доли, которые считали надёжными. Одни теряли состояние, другие зарабатывали на падении.

В Риме пожилая монахиня стояла перед алтарём и благодарила Бога. Молодой священник рядом с ней листал телефон и пытался дозвониться врачу, потому что его собственная дочь внезапно получила доступ к препаратам, которые раньше стоили больше, чем семья могла заработать за год.

В российском городе на другом конце страны мать впервые за два месяца накормила троих детей горячим ужином. Она не знала, что произошло. Просто в магазине появился товар, который вчера обещали привезти через неделю.

Алексей переключал окна и всё сильнее чувствовал, что превращает чужую жизнь в экран.

Он увидел фермера, который стоял перед пустым амбаром. Зерно, которое должно было стать его доходом, теперь раздавали бесплатно. Мужчина гладил ладонью деревянную дверь и говорил сыну:

— Теперь нужно придумать, чем мы будем нужны.

Сын спросил:

— А если не придумаем?

Отец ответил:

— Придумаем.

Он сказал это не потому, что был уверен. Потому что ребёнку нужен был голос, который продолжает говорить.

Алексей закрыл окно.

К полуночи появились первые заявления правительств. Одни страны требовали международной комиссии. Другие объявляли, что новые запасы — результат собственной программы. Третьи обвиняли соседей в экономической атаке.

Алексей понял: он не уничтожил голод. Он перенёс его в другую область — в голод по объяснению, контролю и справедливости.

В тетради записал:

«Нельзя исправить беду, оставив прежним право распоряжаться исправлением. Если я не назову себя источником, другие будут использовать чудо как оружие. Если назову — стану объектом охоты. Оба варианта опасны».

Он открыл окно на больницу в Мехико ещё раз.

Роса держала ребёнка за руку. Ребёнок спал. Рядом стояла пластиковая тарелка с рисом.

Роса не улыбалась. Она выглядела испуганной.

Алексей закрыл окно.

Впервые он понял, что даже благодарность может быть разновидностью страха: если человеку кажется, что его спасли сверху, он начинает искать того, кто в следующий раз может решить, что спасать его не стоит.

Пульт нагрелся.

Алексей не произнёс ни одного желания.

Он просто сидел и ждал, пока мир научится жить с тем, что он сделал.

Глава 6. Мусса

На следующий день Алексей попытался отменить своё желание.

Он сформулировал запрос осторожно:

Хочу вернуть мир к состоянию, которое было до моего вмешательства, без ущерба для людей и без возвращения голода детям.

В ответ пришло ощущение закрытой двери.

Не отказ. Не согласие. Просто невозможность.

Он попробовал иначе:

Хочу, чтобы последствия моего вчерашнего желания исчезли, а полученная еда осталась там, где она нужна.

Пульт нагрелся, но ничего не произошло.

Алексей понял: отменить причинённое добро нельзя без нового вмешательства. Любая попытка вернуть прежний мир создаст другой мир — с другими голодными, другими разорёнными фермерами и другими людьми, которые уже успели поверить, что завтра будет легче.

Он открыл окно на Муссу.

Мужчина сидел у колодца и чинил верёвку. Дети играли рядом с мячом, которого вчера не было. Мусса не смотрел на них.

К нему подошёл сосед. Они поговорили. Сосед указал на мешки, потом на осла, потом куда-то в сторону дороги.

Мусса покачал головой.

Через некоторое время он встал, взял один мешок и отнёс его к колодцу. Потом второй. Затем начал раздавать рис соседям — не бесплатно, а за обещание помочь с ремонтом крыши и принести воду.

В мире, который Алексей изменил одним запросом, Мусса начал строить новую работу из старого товара.

Алексей наблюдал, пока не заболели глаза.

Он не знал, помог Мусса себе сам или просто нашёл единственный доступный путь. Не знал, что было бы лучше. Не знал, имел ли право вмешаться ещё раз и сделать так, чтобы мужчине стало легче.

Окно закрылось.

В газетах тем временем писали о фармацевтических компаниях. Алексей не просил убрать болезни. Он ещё не нажал второй раз. Но после еды голод исчез не для всех, а только для детей, которые не могли получить питание. Изменение оказалось связано с миллионами медицинских систем, страховых выплат, закупок и бюджетов.

Мир пытался объяснить невозможное обычными словами.

Одни говорили о массовой атаке на базы данных.

Другие — о неизвестном лекарстве.

Третьи — о вмешательстве Бога.

Алексей слушал и чувствовал, что каждое объяснение делает происходящее безопаснее. Если это вирус — его можно уничтожить. Если технология — её можно купить. Если Бог — можно молиться.

Но за кухонным столом сидел он.

Обычный человек в старой футболке, который нажал кнопку, потому что не смог выдержать один вечер собственной беспомощности.

Через три дня к детскому дому приехали журналисты. Склад с продуктами появился на окраине города, и часть поставок направили туда. Елена Михайловна дала интервью у ворот.

— Детям стало легче, — сказала она. — Но мы не знаем, что будет дальше.

— Вы считаете это чудом?

— Чудо — это когда человек приходит каждое воскресенье. Всё остальное нужно верить по документам.

Алексей смотрел запись на компьютере.

Камера повернулась к детям. Мальчик лет семи держал в руках красную машинку с отломанным колесом. Он пытался поставить колесо обратно, но каждый раз ронял винт.

Алексей ещё не знал, что мальчика зовут Дима.

Он увидел только руки, испачканные пылью.

Пульт на полке стал тёплым.

Хочу, чтобы машинка стала целой.

Запрос был маленьким. Почти безобидным.

Алексей уже представлял, как игрушка будет стоять на столе у мальчика, как тот улыбнётся, как Елена Михайловна скажет, что иногда помощь может быть простой.

Потом он вспомнил Муссу.

Отнятое право сказать «это я».

Алексей отключил компьютер.

Машинка осталась сломанной.

На следующий день он купил в магазине отвёртку, набор мелких винтов и клей. Позвонил Елене Михайловне и спросил, можно ли прийти в воскресенье.

— Приходите, — сказала она. — Только не приносите больше ничего волшебного.

— У меня обычные инструменты.

— Это и есть волшебство, если пользоваться ими не один раз.

Она отключилась.

Алексей записал фразу в тетрадь, но не как правило. Просто запомнил.

Вечером он открыл окно на Муссу в последний раз.

Мужчина стоял на рынке. На табличке перед мешками было написано: «Рис — за работу. Принеси воду, помоги с крышей, почини телегу».

У него уже появилась очередь.

Мусса спорил с молодым человеком, который хотел получить рис бесплатно. Спорил долго, сердито, с поднятым пальцем. Потом уступил и отдал один мешок.

За ним пришла женщина с больным ребёнком. Мусса дал ей рис без условий.

Он не стал добрым из-за чуда. Он остался человеком, который сам решает, кому помочь.

Алексей закрыл окно.

Ему хотелось сказать, что он рад.

Но слова были бы слишком удобными.

Он написал:

«Мусса не простил меня. И правильно. Прощение нельзя получить через окно».

В ту ночь Алексей впервые услышал шаги в коридоре.

Один шаг.

Пауза.

Второй.

Кто-то остановился у двери.

Алексей не встал. Пульт лежал под подушкой.

Он ждал стука.

Стук не прозвучал.

За дверью прошелестела ткань. Затем запахло старым одеколоном и мокрым мелом.

Алексей закрыл глаза.

— Николай Степанович?

Тишина.

Он открыл глаза. На полу у двери лежала папиросная обёртка.
На обратной стороне было написано:
«Сила без сопротивления становится скукой. Сила без свидетеля становится ложью. Сила без права отказа становится преступлением».
Почерк был Руматы.
Алексей поднял обёртку.
Внизу, под тремя строчками, стояло:
«Они уже знают, что ты есть».

Глава 7. Женщина

После Муссы Алексей две недели не формулировал больших желаний.

Он разрешал себе только то, без чего трудно вести хозяйство: горячую воду, сухую одежду, замену перегоревшей лампочки. Каждый запрос записывал в отдельную колонку, как расход материала.

В мире за окном спорили о чуде. Правительства требовали объяснений. Церкви благодарили Бога. Фермеры перекрывали дороги. Врачи не понимали, почему дети, которым нечем было платить за лечение, перестали умирать от голода, но продолжали болеть.

Алексей ходил в магазин сам.

Ему нравилось выбирать чай. Нравилось стоять в очереди. Нравилось, что кассирша могла ошибиться в сдаче и ему приходилось проверять монеты. Обычные неудобства удерживали мир от превращения в декорацию.

В первый раз он увидел Марину у полки с чаем.

Она держала жестяную банку, читала состав и морщилась.

— Там всё равно нет чая, — сказала она, заметив его взгляд. — Только обещание чая.

Алексей посмотрел на пачку «Принцессы Нури» в своей руке.

— А здесь?

— Здесь честно написано, что это чайный напиток.

— То есть у него есть шанс стать чаем?

Она улыбнулась.

Улыбка была не той, которую человек выдаёт из вежливости. В ней была усталость и интерес одновременно.

— Вы похожи на человека, который спорит с надписями на упаковках.

— Я инженер. Мы спорим со всем, что плохо собрано.

— А если хорошо?

— Тогда ищем скрытую неисправность.

Она засмеялась.

Алексей почувствовал, как внутри открывается место, которое он считал давно закрытым.

Марина была около сорока пяти. Тёмные волосы, серые глаза, синее пальто с зашитым локтем. В руках — книга в мягкой обложке. Она выбирала чай и не торопилась.

Они поговорили у полки ещё пять минут.

Потом разошлись.

Алексей прошёл до дома, поднялся на четвёртый этаж и положил пакет на кухонный стол.

Снял куртку. Вынул пульт.

Желание появилось ещё до того, как он его сформулировал.

Хочу, чтобы в моей жизни появилась женщина, которая мне подходит, и чтобы она добровольно захотела меня узнать.

Алексей долго смотрел на последнюю часть.

Он мог попросить любовь. Не стал.

Добавил: *без изменения её воли и памяти.*

Пульт нагрелся.

Запрос был принят.

На следующий день Марина сидела в библиотеке.

Алексей увидел её через окно, но не открыл окно пультом. Он стоял у двери и выбирал, заходить или нет.

Если он войдёт, это будет частью желания?

Если не войдёт — тоже.

Он вошёл.

— Вы спорите с упаковками, — сказала Марина, подняв глаза от книги.

— Иногда упаковки сами провоцируют.

— Я так и думала.

У неё на столе лежал Лем.

— «Солярис»?

— В третий раз.

— И всё ещё не поняли?

— В первый раз не поняла сюжет. Во второй — себя. В третий пока не знаю.

Они говорили два часа.

Марина переводила с английского и польского, жила одна, любила долгие прогулки и не любила мужчин, которые «спасают» женщин без разрешения.

— Вы часто спасаете? — спросила она.

Алексей подумал о Геннадии, Муссе и детском доме.

— Иногда чиню.

— Это разные вещи.

— Теперь понимаю.

— Нет, ещё не понимаете. Но пытаетесь.

Её слова задели. Не больно. Точно.

Они вышли из библиотеки. На улице моросил дождь. Марина раскрыла зонт и жестом позвала его под навес.

Алексей шёл рядом и чувствовал, как пульт в кармане молчит.

Это было важно. Он ничего не просил.

Марина рассказывала о Калининграде, об отце-моряке, о книге, которую впервые прочитала в пятнадцать лет и не поняла. Алексей отвечал про завод, Татьяну, чай и то, что инженеры не плачут, потому что у них слёзы — это короткое замыкание.

У её подъезда Марина остановилась.

— Я, кажется, уже видела вас во сне.

Алексей почувствовал холод.

— Где?

— На кухне. У вас на стене было пятно, похожее на Южную Америку.

Он не рассказал ей про квартиру.

— Мозг любит собирать знакомые детали.

— А вы верите в случайность?

— После последних недель — не очень.

Она посмотрела на него внимательно.

— Тогда не вздумайте решать за меня, что всё это значит.

— Не буду.

— Все так говорят.

Она ушла.

Алексей стоял под дождём, пока вода не протекла через воротник.

Марина позвонила через два дня. Они встретились в парке. Она взяла его за руку — сама, без подсказки, без внутреннего приказа.

И тогда Алексей понял, что его желание уже стало ловушкой.

Он создал обстоятельства встречи. Не любовь. Не волю. Но достаточно, чтобы её решение стояло внутри коридора, который построил он.

Вечером он достал тетрадь Руматы.

«Не трогай любовь», — писал тот.

Алексей положил пульт рядом с чашкой.

Хочу, чтобы Марина забыла обо мне и чтобы её жизнь вернулась к состоянию до нашей встречи.

Он остановился.

Запрос был жестоким. Но прекратить встречи означало оставить ей память о человеке, который тайно направил их.

Стереть память означало отнять возможность судить его.

Алексей знал это.

И всё равно нажал кнопку.

«Запрос принят».

На следующий день он пришёл в магазин.

Марина стояла у той же полки. Она посмотрела на него как на незнакомого человека. Вежливо кивнула и отвернулась к чаю.

Алексей прошёл мимо.

За спиной он слышал, как она тихо сказала:

— Странно. Чего-то не хватает.

Он не обернулся.

Только дома, на кухне, открыл окно.

Марина сидела за письменным столом. Перед ней лежал польский словарь и пустая строка перевода. Она написала три слова: «Чего-то не хватает».

Потом стёрла.

Алексей закрыл окно.

В тетради написал:

«Я отнял не воспоминание обо мне. Я отнял у неё право спросить: почему? Мне хотелось не её свободы, а собственного освобождения от вины».

На следующий день он убрал пульт в коробку с зимней одеждой.

Ночью снова слышал шаги в коридоре.

На этот раз кто-то тихо произнёс:

— Не смей прикасаться к памяти.

Голос был похож на голос Румыны.

Но за дверью стоял не он.

Перед тем как пожелать встречу с Мариной, Алексей достал из ящика Танину записку.

Он читал её редко, но хранил так, будто бумага могла объяснить то, чего не объяснил он сам.

«Ты хороший, но я хочу жить, а рядом с тобой я умираю».

За девять лет он придумал этой фразе множество толкований. Иногда считал, что Таня просто устала. Иногда винил Сергея из отдела маркетинга. Иногда объяснял всё девятостыми, заводом, отсутствием денег, собственной молчаливостью.

Пульт позволял проверить.

Хочу узнать, что Таня чувствовала в тот вечер, когда написала записку.

Запрос возник мгновенно.

Алексей увидел кухню девять лет назад. Таня сидела у стола. Перед ней остывал борщ. Она держала ручку, но не писала. Несколько раз начинала первую строку, рвала лист и брала новый.

В квартире было тихо.

Алексей из прошлого сидел напротив и разбирал заводскую деталь. Он не смотрел на Таню. Не потому, что не любил. Он просто был занят тем, что можно было починить.

Таня сказала:

— Лёша, поговори со мной.

Он ответил:

— О чём?

Таня закрыла глаза.

Это была не сцена расставания. Не скандал. Не предательство. Просто момент, когда человек несколько лет стучит в дверь и однажды перестаёт.

Алексей закрыл окно.

Он не получил всю Танину жизнь и не узнал, что она чувствовала в другие дни. Только один вечер. Этого оказалось достаточно, чтобы перестать обвинять Сергея.

На следующий день он увидел Марину у полки с чаем.

Она не была похожа на Таню. В этом и была первая честность желания. Марина не должна была стать заменой прошлому.

Алексей хотел не жену, не спасение и не идеальную женщину. Он хотел, чтобы рядом оказался человек, с которым не придётся каждый вечер угадывать, что он разрушил молчанием.

Но даже это желание было эгоистичным.

Он хотел получить отношения без риска первого разговора.

Пульт не мог подарить ему смелость. Он мог только устроить встречу.

Алексей это понял слишком поздно.

Глава 8. Дыра

Алексей не спал до утра.

Он проверил замок, окна, вентиляцию, чердак и собственную голову. В квартире не было никого. В подъезде тоже. Запах мокрого мела исчез к рассвету.

На подоконнике лежала рыжая шерстинка.

Алексей положил её в конверт и подписал: «Не доказательство».

Он не знал, что считать доказательством, если невозможное уже стало частью быта.

Марина жила через два дома. Алексей мог открыть окно и посмотреть, чем она занимается. Не стал.

Через три дня открыл.

Она сидела на кухне, читала письмо и плакала. Не знала почему. Письмо было от её матери, обычное, с просьбой приехать на выходные.

Алексей закрыл окно.

Ещё через два дня открыл снова.

Марина спорила по телефону с мужчиной. Он не разобрал слов, только услышал её последнее:

— Я сама решу, что мне делать.

Она положила трубку и долго стояла у окна.

Алексей почувствовал облегчение.

Потом понял, что обрадовался её самостоятельности, потому что наблюдал за ней без разрешения.

Он закрыл окно и вынес пульт на кухню.

Поставил перед собой стул. Сел.

— Я не буду смотреть.

Пульт молчал.

— Я не буду менять.

Тишина.

— Я не буду оправдываться тем, что мне больно.

На поверхности кнопки выступила маленькая капля воды. Хотя в комнате было сухо.

Алексей вытер её рукавом.

В тот же вечер пришёл Геннадий.

— Ты чего дверь не открываешь? — спросил он.

— Я не слышал.

— Я стучал.

— Наверное, тихо.

— Я стучал так, что у Клавы в рамке стекло задребезжало.

Геннадий вошёл и положил на стол пакет муки.

— Это зачем?

— Ты хлеб печёшь.

— Иногда.

— Иногда — это когда человек один раз попробовал и всем рассказывает. Ты печёшь уже неделю.

— Получается плохо.

— Значит, муки нужно больше.

Геннадий посмотрел на пульт.

— Это что?

— Старый прибор.

— На нём написано «Бытие».

— Заводской юмор.

— На каком заводе делают бытие?

Алексей не ответил.

Геннадий взял пульт двумя пальцами. Кнопка поддалась мягко.

— Не нажимай, — сказал Алексей.

Геннадий поднял глаза.

— Почему?

— Ответа нет.

— Вот это уже честнее.

Он положил пульт обратно.

— Ты Марину видел?

Алексей почувствовал, что в кухне стало теснее.

— Какую Марину?

— Переводчицу. Из библиотеки. Я видел вас под одним зонтом.

— Давно?

— Недавно.

— Мы не знакомы.

Геннадий помолчал.

— Ты врешь хуже, чем чинишь краны.

— Краны я чиню хорошо.

— Вот именно.

Геннадий ушёл, оставив муку.

Алексей долго стоял у двери, прислушиваясь к его шагам. Затем вернулся на кухню и открыл первую тетрадь Руматы.

В ней была запись об Алле.

«Я пожелал, чтобы она меня полюбила. Она полюбила. Не потому, что увидела во мне человека, а потому, что я убрал из её мира возможность не увидеть. Потом она стала говорить моими словами. Смех у неё остался прежним, а паузы исчезли. В паузах живёт свобода».

Алексей закрыл тетрадь.

Он вспомнил Марину под зонтом. Её пальцы, которые сами взяли его за руку. Теперь он не знал, что в этом было её, а что — результат его запроса.

Всю ночь он ходил по квартире.

Утром написал новое желание:

Хочу вернуть Марине всё, что было до моего вмешательства, не уничтожая её нынешнюю жизнь и не создавая новых изменений.

Ответа не было.

Алексей ждал десять минут.

Потом час.

Пульт оставался холодным.

Он понял: система не исполняет просьбы, которые нельзя определить без решения за другого человека.

Вернуть «до» — значит выбрать, что считать настоящим.

Он не имел права выбирать.

Марина продолжила жить. А Алексей продолжил смотреть на пульт.

Днём позвонила Елена Михайловна.

— Вы обещали прийти в воскресенье.

— Приду.

— С хлебом?

— Если не сгорит.

— Тогда принесите и сгоревший. Дети любят всё, что можно макать в чай.

После разговора Алексей открыл окно на Кравцова.

Чиновник сидел в кабинете и просматривал бумаги о детском доме. В его лице не было совести. Было раздражение от неожиданного сопротивления.

Кравцов позвонил заместителю.

— Завтра начинаем, — сказал он. — Никаких отсрочек.

Алексей закрыл окно.

Пульт нагрелся.

В голове возник запрос:

Хочу, чтобы у Кравцова проснулась совесть.

Он не произнёс его.

Но увидел, как желание уже движется к исполнению — как шарик по наклонной доске.

Алексей сжал зубы.

— Нет.

Запрос остановился.

В кухне пахло мукой.

— Нет, — повторил он.

На этот раз он поверил себе.

Через час пришёл другой звонок. Звонил Геннадий.

— Петрович, — сказал он, — у меня под дверью двое стоят. Спрашивают, где ты.

— Что ты им сказал?

— Что ты инженер и ничего не понимаешь в жизни.

— Правильно.

— Они не поверили.

Алексей посмотрел на пульт.

— Закрой дверь.

— Она закрыта.

— Не открывай.

— Я не дурак.

В трубке раздался удар.

Геннадий выругался.

Алексей поднялся.

Он мог сделать так, чтобы эти люди забыли дорогу. Мог сделать их слепыми, глухими, добрыми или мёртвыми.

Пульт ждал.

Алексей надел куртку и вышел без него.

На лестнице он увидел серую машину во дворе. У подъезда стояли двое мужчин.

Они посмотрели на него.

Один улыбнулся.

— Дед, — сказал он. — Нам надо поговорить.

Алексей спустился на одну ступеньку ниже.

— Тогда говорите.

— Не здесь.

— Здесь тоже можно.

— Ты смелый?

— Нет. Просто домой хочу.

Мужчина сделал шаг вверх.

За дверью квартиры Геннадия что-то упало.

Алексей почувствовал, как в кармане нагрелся пульт, которого там не было.

Он не знал, что именно это значило.

Но в коридоре снова запахло мокрым мелом.

Алексей провёл ночь, пытаясь понять, как Воскресенский получил доступ к его квартире.

Он проверил замок, окна, вентиляцию и чердак. Следов взлома не было. Ничего не произошло.

В металлическом ящике лежала записка, которую он не писал.

Алексей вынул пульт и положил рядом.

— Ты перенёс её сюда?

«Нет».

— Тогда кто?

«Человек».

— Какой?

«Ты спрашиваешь неправильное».

Алексей взял ручку и записал все возможные варианты: Воскресенский, Сергей, кто-то из людей Кравцова, Румата, собственная ошибка, пульт.

В шестой строке написал: «Я сам».

Эту версию он не хотел рассматривать. Если пульт мог перемещать предметы без его воли, то квартира переставала быть безопасной. Если мог делать это Алексей бессознательно, безопасным переставал быть он.

В дверь постучали.

Алексей не открыл.

— Петрович, — сказал Геннадий снизу, — я принёс суп.

— Оставь у двери.

— Сам забери.

— Не могу.

— Тогда я войду.

— Не надо.

Геннадий помолчал.

— Ты опять пытаешься быть один.

Алексей открыл дверь.

Геннадий поставил кастрюлю на стол.

— В супе нет философии.

— Хорошо.

— Но есть картошка.

Они съели суп молча.

На лестнице снова слышались шаги, но в этот раз Алексей не проверял. Он понял, что безопасность нельзя получить, удалив всех людей из своей жизни.

Иногда безопасность — это человек, который приносит суп и не задаёт лишних вопросов.

Глава 9. Детский дом

Мужчина поднялся ещё на одну ступеньку.

Алексей отступил к стене. В подъезде пахло сырым бетоном, кошачьим кормом и чужой курткой.

— Нам нужен Воронов, — сказал мужчина.

— Это я.

— Тогда поговорим.

— Мы уже говорим.

— Не умничай.

— Я не умею.

Второй мужчина остался у двери подъезда. Он не смотрел на Алексея, но держал руку в кармане.

Алексей вдруг подумал, что пульт лежит на полке между Лемом и Шекли. До него можно добраться за десять секунд — если переместиться.

Он не стал.

— Кто вас прислал?

— Человек, которому ты мешаешь.

— Я не знаю таких людей.

— Знаешь.

Мужчина сделал ещё шаг. Алексей почувствовал, как сердце начинает бить быстрее. Не от страха — от раздражения. Страх был бы честнее.

Дверь квартиры Геннадия открылась.

— Петрович, — сказал сосед. — Ты чего тут застрял?

Он стоял с кухонным ножом в руке. Нож был маленький, тупой и совершенно бесполезный.

— Идите в квартиру, — сказал мужчина.

— Я у себя дома.

— Мы не к вам.

— Тогда не стойте на моей лестнице.

Геннадий сделал шаг вперёд. Мужчина посмотрел на нож, затем на его лицо.

Взгляд Геннадия был спокойным. Не трезвым — просто усталым.

— Уберите нож, — сказал Алексей.

— Сам разберусь.

— Не надо.

— Ты теперь за всех решаешь?

Вопрос попал точно.

Он взглянул на Геннадия, на людей в подъезде и на собственное желание, которое уже готово было стать приказом.

Он мог приказать им уйти.

Мог приказать Геннадию перестать бояться.

Мог приказать себе не чувствовать страха.

Не сделал ничего.

— Пойдёмте вниз, — сказал мужчина. — На улице поговорим.

— Нет, — сказал Алексей.

— Почему?

— Потому что не хочу.

Это было самое слабое и самое честное слово, которое он мог произнести.

Мужчина усмехнулся. Внизу хлопнула дверь подъезда. На площадку вошёл участковый — молодой, мокрый от дождя, с папкой под мышкой.

— Что здесь происходит?

Мужчины переглянулись.

— Ошибка, — сказал один.

— Какая?

— Квартирой ошиблись.

Участковый посмотрел на Алексея.

— Вы Воронов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.